

АКТЕР, КОТОРЫЙ МОГ БЫ СТАТЬ ПРЕЗИДЕНТОМ

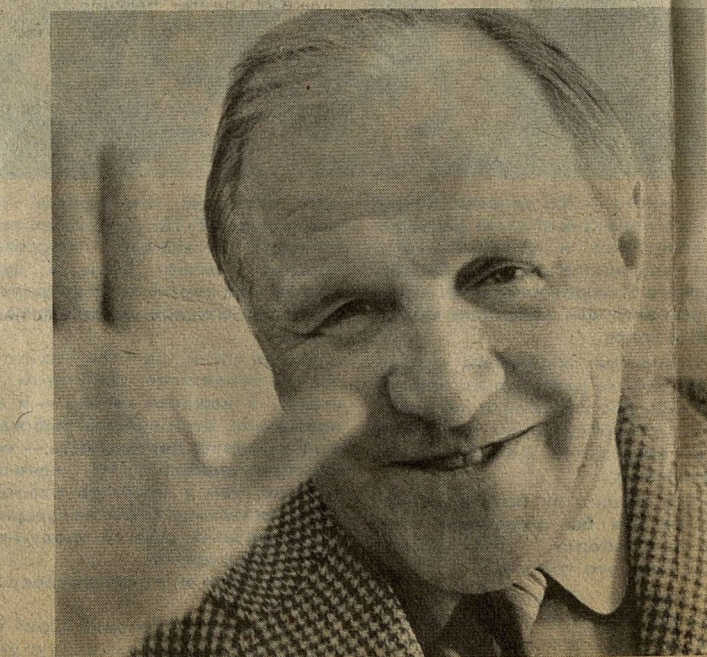
Недавно, уже после образования Союза театральных деятелей СССР, после памятного театральному миру съезда в Кремле, я был на заседании бюро правления союза. Михаил Ульянов пять раз брал слово, пять раз! Ему казалось, его неправильно понимают, не туда поворачивают. Он вновь и вновь с клокующим, но сдержанным темпераментом объяснял и объяснял. Голос его поднимался все выше, пока не превращался в драматический фальцет. Это был не «актерский» прием, но чистая истовость его натуры. Не уверен, можно ли перевести слово «истовость» на другой язык. Это свойство русского характера. Редкое свойство. Тут не «белый звук», как говорят в театре, не отчаянный крик при совершенно холодной душе. И не истерическая бесшабашность, когда рвут рубаху на груди. Истовость — полная трата себя. Если в человеке она есть, он может и шепотом просверлить противника насквозь, и взглядом сжечь при плотно сжатых губах.

С УЛЬЯНОВЫМ в последние годы что-то произошло. Не то чтобы метаморфоза, а скачок характера. И я, тридцать пять лет пишущий о театре, честно признаюсь читателю, что не могу сказать: кто же передо мной — актер, в полной мере обладающий современным политическим, гражданским мышлением, прирожденный организатор, двужильный человек, использующий каждую секунду своего бодрствования для дела, которое он взял на себя, или политический деятель огромного масштаба, хотя и актер по профессии. Потому что лишь такой человек мог написать: «То, что нужны, как воздух, новые формы демократизации, самоуправления, гласности, — это ясно как день. И с этим никто не спорит, во всяком случае, в открытую. Но перестроить-то надо не только экономику, и не только мозги, но и многие изжившие себя структуры, формы организации жизни общества, что и обеспечило бы «второе дыхание» во всех его порах. И это задача куда более сложная, здесь-то и разворачивается борьба за перестройку, за безоговорочное проведение в жизнь начатого курса. Так я понял суть того, что прозвучало на Пленуме».

М. Ульянов говорил о январском Пленуме ЦК, на котором он, член Центральной Ревизионной комиссии партии, взял слово, чтобы выступить против тех, кто считает гласность короткой кампанией, отводит ей место «от сих до сих».

Слушая Ульянова на различных собраниях бурлящего театрального мира, переживая и пытаясь проанализировать стиль его мышления, разнообразие и неотразимость его воздействия на аудиторию, я однажды поймал себя на мысли: вот актер, который действительно мог бы стать президентом! (Тут читатель может расслышать ироническую или, допуская, полемическую нотку, что ж, я от нее не отрекаюсь. Но актер-то он мирового класса, недаром западные критики пишут о нем в одном ряду с Марлоном Брандо, Спенсером Треси, Родом Стайгером, Жаном Габеном... А уж мы свой-то ряд знаем. И президентом он был бы не хуже, чем... Но, как говаривал язвительный русский поэт А. К. Толстой: «Ходить бывает склизко по камешкам иным»).

В ТАРУ, на его родину, я поехал в июле прошлого года. В Омске жара стояла сильнее, чем на Кавказе. Он посоветовал плыть не на «Ракете» (ничего не увидишь, слишком быстро), а на старом пароходе. И вот плыву по Иртышу, знаменитой сибирской реке. В каюте неприменный репродуктор. И вдруг старая запись вахтанговского спектакля с его участием... Тара — тихий городок с един-

Михаил УЛЬЯНОВ

ственным сохранившимся собором XVII века (а было семь!), одноэтажными домиками. Когда-то это был купеческий центр, а Омск — как охранную для Тары крепость — поставили потом. В 1994 году Таре будет 400 лет. Строит она и новые дома, скучные, четырехэтажные, зато со всеми удобствами.

Это родина Ульянова, здесь вам покажут дом, где он жил в детстве, театр-не-театрик, в котором начинал играть. Нет здесь человека, который не знал бы его, не гордился бы им, не считал своим... Кем? Эталонным человека, образцом общественного поведения, жизненного успеха, заслуженного безоговорочно.

Мне рассказывал бывший председатель горисполкома Тары:

— Ульянов мне говорит: без четверти четыре будь у здания Театра имени Моссовета (дело было в Москве). Ну, я опоздал минуты на три, а же московские расстояния не могу учесть. Ох, он меня ругал! Раз назначено ровно на четыре, нужно приходиться точно. Это Госплан. Ну, что вам сказать: к вечеру все разнарядки у меня — и на грузовики, и на бульдозеры. В прошлом году с этим у нас плохо было. Конечно, мы к нему...

Школьный друг Ульянова пришел ко мне в гостиницу в новой рубахе. Не ради меня, конечно, ему привет — за то, чего достиг!

В селе, где в начале тридцатых годов жила семья Ульяновых (13 километров от Тары с паромной

переправой через Иртыш), ходил я по избам: в 30-м отец его был тут председателем Промколхоза. Старухи и старики лезли в сундуки, доставали альбомы, фотографии. Отец, мать и маленький Миша с сестренкой. Таких фотографий у него нет, а у них есть! Берегут, гордятся.

ОЧЕВИДНО, существует какой-то закон идентификации, не знаю, как формулируется это в социальной психологии, но есть люди, образ которых у народа ассоциируется с идеалом успеха, совершенства, правды. Секрет сверхпопулярности где-то здесь. Это не «звезда», не «идол» (в поклонении последнему всегда присутствует что-то патологическое). Нет! Это человек, которым я сам хотел бы стать. С которым хотел бы стоять рядом. Человек, к которому я поворачиваюсь лучшим, что во мне есть. Потому что этот человек все обо мне знает.

Михаил Ульянов — свой человек для наиболее дееспособной части народа, той взрослой его части, что несет на себе всю тяжесть много-страдальной и прекрасной нашей жизни. В нем заключена сила людей дела и мудрость уже проживших свое...

Вновь и вновь я обращаюсь к его ролям в театре и кино за четверть века. Я выписывал их на карточки, как когда-то Менделеев — химические элементы. И у меня составилась своя таблица! Со всей очевидностью

мне открылось, что нет у нас другого актера, который создал бы столь обширную галерею «социального героя». В ней все: и «винтики», и атланты, державшие на своих плечах отечество в невероятно тяжелых условиях, и люди, чья жизнь двигалась исключительно благодаря их принадлежности к «номенклатуре», и особо — «чужаки» Шукшина. И все они взаимодействуют с эпохой в меру отпущенной им исторической судьбы. Артист через свои роли познавал жизнь и благодаря социальному чутью и мышлению проникал в образы своих героев.

— У меня есть социальная платформа, и я вижу, как это полагаю, где добро и где зло.

ПИШУТ АКТЕРАМ такого ранга по-разному. Всякий раз «радар» зрительского «я» поворачивается, меняя позицию, и можно понять, дефицит каких именно чувств восполняет для пишущего тот или иной актер. Ульянову пишут обо всем — «радар» вращается непрерывно, совершая оборот за оборотом на 360 градусов.

Года полтора прошло, как отдал он мне великодушно толстые пачки писем к нему — больше тысячи! Беру из разных пачек.

«Я с детства заикаюсь... Бывает невыносимо. С мужем разошлась. Недавно читала, что лечат дыхательной гимнастикой... Вы могли бы помочь...»

«В нашей колонии есть Володя Н. У меня сложилось впечатление, что он заслуживает досрочного освобождения. Мне нужно срочно поговорить с вами».

«Я совершенно спокойно встретила приговор врачей. Хотелось бы еще раз прослушать по радио «Наш сад» в вашем исполнении. Не уверена, что дождусь повторения передачи, не можете ли выслать пленку!»

«Товарищ Ульянов! Я много видел хороших актеров. Но никто не поразил меня искусством перевоплощения, как это сделали вы. Маршал Жуков и Тевье-молочник! Диапазон потрясающий...»

Каюта в грехах, спрашивают совета, выводят на «чистую воду» зарвавшегося начальника, жалуются — «кормилец» пьет, последнее несет из дому. Помогите! Если не вы, то кто же? Неправильно уволили, очередь на жилье подошла — другому дали. Актриса пишет: из труппы гонят, неправильно голосовали...

Пишут, как к прокурору, как к руководителю, министру, как к священнику (надо же кому-то исповедаться!), как к участковому милиционеру, как к артисту наконец (именно — наконец!). Нет, в самом деле он мог бы стать президентом!

— НАСКОЛЬКО легче было бы нам жить, — говорит он устало и печально, — если бы каждый исполнял свой долг, да что там долг — свою прямую служебную обязанность.

— Ты же утонешь, ты же погибнешь! — возражал я ему, — нельзя же помочь всем!

Мы сидели на кухне. Как у большинства москвичей, его жизнь дома проходит именно здесь. Все не могли начать разговор из-за бесконечных телефонных звонков.

— Всем, конечно, нельзя... Но

помогать надо, иначе, — он подыскивал слово, — иначе конишься. Я уж и то ограничиваю.

Но тут зазвонил междугородный. Речь шла об актрисе, несправедливо уволенной — в Саратове или Тамбове, уже не помню. Ульянов звонил первому секретарю обкома.

Потом жаловался:

— Пять дней звоню, он трубку не берет, помощник говорит: в область уехал. А я-то чувствую, он от меня его прячет. Ну, я его достаю!

Уж в этом-то я не сомневаюсь: достанет!

МНОГО ЛЕТ назад в театральном мире России его прочли в председатели Театрального общества. Однако кому-то он был и негоден. ВТО жило спокойно, чувствуя себя придатком Министерства культуры. Вот только в театрах становилось все хуже — публика ходит перестала! О нем распространяли слухи: неуправляемый, экстремист, непредсказуемый... Но гром грянул. XV съезд ВТО преобразовал свое общество в качественно новый Союз театральных деятелей Российской Федерации. Михаил Ульянов единогласно был избран его председателем.

То, к чему готовила его вся жизнь, получило новое выражение.

Когда-то Маяковский сказал: во-проса, признавать или не признавать Октябрь, для меня не было. Моя революция! Так и Ульянов сразу оказался среди той истинной интеллигенции, которая, не задумываясь, сказала: моя перестройка!

Он из тех, кто убежден: на перестройку будет работать все самое яркое, жизнеспособное, честное, совестливое. Он знает, что это процесс революционный, а у всякой революции есть враги, сильные, хорошо оснащенные дотами неподвижности, и борьба с ними будет не такой уж эфирной!

Поэтому он писал в журнале «Коммунист»:

«Перемены, происходящие в обществе, обнажили болезни, глубоко вевшиеся, можно сказать, в геномную систему некоторых людей. С этим мы должны бороться убежденно и бескомпромиссно. Только не надо обольщаться и ждать со дня на день полной и окончательной победы. Борьба предстоит долгая и трудная. Но мы знаем, как ее вести. На январском Пленуме партия еще раз указала радикальные средства этой борьбы — открытость, демократизм, гласность. Именно гласность, критика и самокритика, контроль со стороны масс — гарантия здорового развития советского общества. Перестройка без гласности в условиях социализма — все равно что жизнь без кислорода. А кое-кому свежий воздух не по нраву, к другому привыкли и отвыкают не желают. И начинается этаким прессинг на прессу. Дескать, демократия демократией, но журналисты пусть не очень-то высвываются. В иных товарищей явно чувствуется желание вернуться в те благословенные времена, когда были персоны вне критики, вне контроля, вне общественного воздействия. Такое ощущение, возможно, и блаженно. Не буду спорить. Но ведомо оно было лишь тем, кто сидел в недостижимых для критики креслах, а не миллионам подчиненных и руководимых. А какой у нас еще есть орган гласности, равноценный прессе?»

Больше всего меня тревожит то, что острую критику в печати, по радио и телевидению негативно воспринимает довольно значительная часть вовсе не руководителей, а вполне рядовых товарищей. Говорят: надоело! Трудно посчитать точно, насколько велика эта группа, но она существует, и надо разбираться, откуда она вдруг появилась, почему неприятие критики достаточно прочно обосновалось в нашем образе жизни. Думаю, мы, деятели культуры, в какой-то степени причастны к этому печальному и не соответствующему самой природе социализма явлению... Да, общественная жизнь была заглушена, приведена в некое стоячее состояние, что нашло соответствующее отражение и в искусстве. Зритель, не веря нам, бросился заполнять образовавшийся духовный вакуум сентиментальностью, развлекательностью, выработал стойкий стереотип ухода от реальных проблем.

Началось это примерно два десятилетия назад. Опять-таки основываюсь на личной хронологии. Я-то помню, какие очереди выстраивались на «Председателя», какие споры кипели вокруг картины, споры политического, общественного характера. Одни утверждали: это очернительство, а другие подавали заявление в партию. Фильм стал общественным событием, будоражил общественную мысль, заставлял людей думать».

ТАК МОЖЕТ писать человек, всецело отдавшийся великому делу исторических преобразований в жизни своего отечества. Так может думать и чувствовать человек, решивший до конца использовать свой шанс: «Теперь или никогда». Так может поступать серьезный и крупный политический деятель, истинный рыцарь перестройки.

Таким я вижу сегодня Михаила Ульянова.

Александр СВОБОДИН.

Фото Андрея КНЯЗЕВА.